

Вечером вся семья вернулась в дом. Тан Шэнь велел Яо Саню на следующий день купить гречневой муки, муки из черного риса, машевой муки, а также обычной пшеничной муки. Тётушке Яо он дал денег и предложил сходить на улицу Суйцзинь — погулять, попробовать местную еду и разузнать, какие вкусы предпочитают в Гусу.

Тан Хуан радостно воскликнула:

— Я пойду вместе с тётушкой Яо!

Кому же не хочется пройтись по улицам с деньгами в кармане и вкусно поесть?

Тан Шэнь спокойно ответил:

— Ты пойдешь со мной.

— А? — удивилась Тан Хуан.

— Мы пойдем навещать родственников.

Сначала Тан Хуан не поняла, что он имеет в виду, и машинально произнесла: «Какие у нас могут быть родственники в управе Гусу?» Но мгновение спустя до нее дошло, и она поспешно добавила:

— Ты... ты правда собрался к родственникам? Отец при жизни говорил, что скорее с голоду помрет, чем переступит их порог! Как же ты можешь туда идти?

Тан Шэнь посмотрел на нее:

— Вот отец и умер. А ты, маленькая хозяйка Тан, тоже хочешь умереть с голоду?

Тан Хуан промолчала.

Спустя некоторое время девочка пробурчала:

— С чего бы нам умирать с голоду?

Тан Шэнь погладил сестру по голове:

— Никакой кровной вражды между нами нет, почему бы и не навестить родственников?

Мать и сын Яо стояли рядом, совершенно сбитые с толку. Перед приездом в управу Гусу они ни разу не слышали от Тан Шэня, что у брата с сестрой здесь есть родственники. По правде говоря, даже сама Тан Хуан позабыла об их существовании.

Отец Тан Шэня и Тан Хуан, сюцай Тан, на самом деле был родом из управы Гусу.

Два месяца назад Великий ученый Лян спрашивал Тан Шэня, не доводится ли он родственником семье цзюйжэня Тана, живущего в западной части управы Гусу. Тогда Тан Шэнь ответил, что они дальняя родня. На самом же деле они вовсе не были далекой родней: отец Тан Шэня и цзюйжэнь Тан приходились друг другу родными братьями. Вот только один родился от законной жены, а второй — от наложницы.

Мать сюцай Тана умерла рано, и его с малых лет воспитывала законная жена отца, так что он считался законным сыном наполовину. Семья Тан была потомственными учеными, жила в

достатке — не сказать чтобы они купались в роскоши, но это был почтенный дом, где чтители книги и ритуалы. Законная мать относилась к сюцаю Тану прохладно, однако не обделяла его, так что с детства он учился в домашней школе.

Сюцай Тан рос смышленным мальчиком. Рано потеряв мать, он изо всех сил стремился быть лучшим во всем, считая свое происхождение от наложницы несмываемым пятном на репутации. К счастью, он проявил упорство и уже в четыре года сдал экзамен на степень сюцай, принеся славу своим предкам. Семья Тан возлагала на него большие надежды, полагая, что он непременно получит как минимум степень цзюйжэня. Однако, словно растратив весь свой талант в юности, после этого сюцай Тан четырежды пытался сдать столичный экзамен и всякий раз терпел неудачу.

Когда он провалился в четвертый раз, его старший брат, рожденный законной женой, который в детстве не отличался умом, в тридцать с лишним лет вдруг с первой попытки сдал экзамен на сюцай, а на следующий год стал цзюйжэнем.

Сюцай Тан от досады тяжело заболел и слег. Оправившись от недуга, он забрал всю семью и уехал на родину жены, в деревню Чжаоцзя, поклявшись, что не вернется в семью Тан, пока не получит звание цзюйжэня.

Не прошло и двух лет, как умерла мать Тан Шэня. Еще через несколько лет ушел из жизни и сам сюцай Тан, так и не успев сдать экзамен на цзюйжэня и сгорев от болезни.

В детстве Тан Шэнь и Тан Хуан то и дело выслушивали сетования отца. Сюцай Тан постоянно жаловался на несправедливость небес: почему он, одаренный, не смог стать цзюйжэнем, тогда как его глупый старший брат добился успеха? Из-за этого брат с сестрой с малых лет питали неприязнь к семье Тан. Впрочем, переродившемся Тан Шэню было все равно. Судя по его воспоминаниям, хотя сюцай Тан и ругал родственников, злился он исключительно на того самого старшего брата, ставшего цзюйжэнем, а к остальным членам семьи претензий не имел.

Дети не вправе судить отцов. Как всё обстояло на самом деле, знали лишь сами участники тех событий, а сюцай Тан уже давно покинул этот мир.

Тан Шэнь подумал: «Отец, раз уж я стал вашим сыном, обещаю, что мы с сестрой ни в чем не будем нуждаться, и я ни за что не посрамлю ваше имя». А затем мысленно добавил: «Так что завтра мы идем в семью Тан. Пожалуйста, не сердитесь на небесах».

Произнеся это про себя, Тан Шэнь поднял голову к небу и сказал вслух:

— Раз молния в меня не ударила, буду считать, что вы согласны.

Тан Хуан как раз проходила мимо по двору, прижимая к груди подушку. Услышав это заявление, девочка дернула уголком рта и тоже уставилась на небо.

«Откуда взяться молнии в такую ясную погоду? У брата точно не все дома!»

Не успела она отвести взгляд от ночного неба, как вдруг увидела, что одна из звезд сорвалась со своего места и полетела на север. Девочка никогда прежде не видела ничего подобного. Испугавшись, она выронила подушку и вцепилась в руку Тан Шэня:

— Брат, что это? Что это такое? Ты видел? Звезда упала!

Тан Шэнь, разумеется, все видел. Он только что мысленно разговаривал с покойным сюцаем

Таном, и тут в небе прочертила след падающая звезда. Тан Шэнь и сам слегка оторопел, подумав: «Неужели это покойный отец так меня проклиная?»

Он успокоил себя, мысленно повторив лозунги о научном развитии. Как убежденный материалист, он не верил во всякую чертовщину и суеверия.

— Это называется падающей звездой.

— Падающей звездой? — переспросила Тан Хуан.

— Падающая звезда — это астрономическое явление. Земля, на которой мы живем... кхм, впрочем, ты все равно не поймешь. В общем, знай: это совершенно обычное дело. Просто космическое тело пролетало мимо, а ты его заметила. Некоторые из них возвращаются к нам с определенной периодичностью. Например, есть комета Галлея, она прилетает раз в семьдесят шесть лет.

Тан Хуан слушала, мало что понимая. Стоявший неподалеку Яо Сань восторженно заметил:

— Молодой хозяин образованный, столько всего знает!

Тётушка Яо поддакнула:

— И то верно, книжные люди совсем другие, не то что мы.

Объяснять Тан Хуан природу метеоров было слишком сложной задачей, поэтому Тан Шэнь ограничился парой общих фраз и ушел к себе спать.

В то же самое время в столице Великой Сун, Шэнцзине.

Величественный императорский дворец, надежно охраняемые внутренние покои.

В кромешной тьме отряд гвардейцев в доспехах с копьями наперевес вышагивал по каменным плитам, мерно цокая сапогами. Во дворце царила мертвая тишина, и лишь в одном из великолепных залов тускло мерцали огни.

Пламя светильников задрожало, когда внезапный порыв ветра ворвался в помещение и погрузил его во тьму.

Изнутри раздался испуганный крик:

— Люди! Живо сюда! Зажгите мне лампы долголетия!

В то же мгновение двое послушников в даосских одеяниях, согнувшись в три погибели, вбежали в зал и бросились к ряду бронзовых светильников. Присмотревшись, они поняли, что огни не погасли совсем — ветер лишь прибил пламя, оставив едва тлеющие искры.

Поблестев от страха и дрожа всем телом, мальчики поспешно зажгли все девять лампад долголетия.

Среди золоченых колонн и резных балок пожилой человек в белом даосском одеянии с длинной бородой облегченно выдохнул. Он взволнованно подошел к лампадам долголетия и уставился на девять огоньков безумным, замороженным взглядом.

— Что это был за ветер? — спросил он.

Оба послушника рухнули на колени:

— Ваше Величество, пощадите!

У этого пожилого человека было бледное гладкое лицо с тонкими глазами и высокими бровями. Он молча смотрел на коленопреклоненных слуг глубоким, пронизательным взглядом. Он помедлил немного, но не успел произнести ни слова, как снаружи раздался голос:

— Ваше Величество, прибыл с докладом Глава Астрономического приказа!

Взгляд императора Великой Сун Чжао Фу сосредоточился:

— Пусть войдет.

Глава Астрономического приказа Ли Сяорэнь торопливо вошел в тронный зал. Он держал голову низко опущенной, не смея поднять глаз. Заметив краем глаза стоявших на коленях послушников, Ли Сяорэнь мысленно выругался. Узнав, что лампы долголетия погасли, он поспешил сюда со всех ног, но все равно опоздал. Эти двое мальчишек были его лучшими учениками. Он-то думал, что прислуживать императору и следить за лампами долголетия — почетное и безопасное дело, а оно обернулось такой бедой.

Облаченный в чиновничий халат с узором великого предела и восьми триграмм, с разноцветным фазаньим пером в головном уборе, Ли Сяорэнь простерся ниц:

— Ваше Величество! Звезда величиной с персик упала с небес. Она вышла из Пурпурного чертога, вошла в Ограду Высшего Покровительства и зависла прямо над Звездой Императора, склоняясь к юго-востоку и проходя через двадцать две звезды Ограды Небесного Рынка. Небеса предвещают великое бедствие, грозящее погубить вековые устои нашей Великой Сун!

На бледном лице Чжао Фу отразился испуг. Он сделал пару быстрых шагов вперед, но тут же остановился:

— Рассказывай подробно.

Ли Сяорэнь еще раз в деталях описал падение звезды и добавил:

— Ваше Величество, метеор завис над Звездой Императора, а затем бесследно исчез. Боюсь, это сулет беду.

— Почему?

Да откуда ему было знать почему! Этот метеор появился неведь откуда, пролетел с юга на север и пропал. Неужели на юге назревает смута? Или мятежники пытаются вмешаться в государственные дела?

Ли Сяорэнь вдруг вспомнил об одном человеке и, без зазрения совести сочиняя на ходу, произнес:

— Этот метеор прошел сквозь двадцать две звезды Ограды Небесного Рынка, вошел в чертог Цзывэй и бесследно исчез. Несомненно, он скрывался долгие годы. По моим ночным наблюдениям за небесными светилами, Императорская звезда Цзывэй сияет подобно солнцу, и мощь Вашего Величества пребывает в расцвете, оставаясь непоколебимой вот уже двадцать лет. Полагаю, эта звезда гибели давно уже усмирена Вашим Величеством и много лет

таилась подле вас, но в последнее время вновь являет признаки пробуждения.

Чжао Фу прищурился:

— Усмирена мной, таилась много лет... И теперь возрождается?

Ли Сяорэнь стиснул зубы и предостерегающе добавил:

— Ваше Величество, сорную траву нужно вырывать с корнем.

Чжао Фу молча смотрел на Ли Сяорэня. Близость к государю подобна близости к тигру, поэтому Ли Сяорэнь затаил дыхание и замер, боясь пошевелиться, словно напроказивший ребенок.

— Любезный министр, если подумать, он ведь томится в темнице уже двадцать четыре года?

Ли Сяорэнь распростерся ниц и промолвил:

— Ваш слуга глуп и не понимает, о ком изволит говорить Ваше Величество.

Чжао Фу нетерпеливо махнул рукой:

— Я понял. Ступай.

— Ваш слуга удаляется.

<http://bllate.org/book/18292/1754381>